

Аксиология совести в прозе Еремея Айпина

А. Н. Семёнов

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок?

г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,

alin52@list.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Современное финно-угорское литературоведение одним из актуальных аспектов исследования признаёт аксиологическое начало художественного текста, позволяющее составить вполне определённое представление о ценностном содержании картины мира как отдельной творческой индивидуальности, так и художественной картины мира, характерной для литературы народа в целом.

Предметом исследования в статье являются аксиологические начала бытования совести как нравственного сознания человека в прозе хантыйского писателя Еремея Айпина, своеобразие воплощения понимания совести и отношения к ней как автора, так и его героев.

Цель статьи: обнаружить в художественных текстах писателя моменты бытования, воплощения совести, как психологической категории, проанализировать различное понимание её оценки, роли, значения и уместности в жизни человека, народа, государства, как автором, так и его персонажами, в качестве проявления своеобразие национального сознания северного народа.

Материалы исследования: прозаические произведения Е. Д. Айпина, в которых наиболее выразительно представлена категория совести.

Результаты и научная новизна. Проанализировано присутствие и авторское понимание совести и её роли в жизни как человеческого сообщества, так и отдельного человека в том авторском варианте, какой представляют конкретные художественные тексты хантыйского писателя. В результате проведённого историко-культурного с элементами структурного анализа, а также с обращением к методу описательной поэтики сделано заключение, согласно которому бытование и понимание, совести в прозе Еремея Айпина обладает семантической многоплановостью, выступает как принципиально важный знак, последовательно отражающий авторское мировосприятие и интенции, в значительной степени формирующий содержательную структуру произведений, создающий идейно-символический код. Такой код включает в себя характеристику совести как индивидуально-личностного начала, в котором заложена возможность выявления национальных особенностей видения, понимания человеком себя в конкретно-историческом пространстве текущего времени, как части эксплицированной в тексте национальной картины мира, в основе которой социальные, духовно-нравственные, эстетические традиции и представления.

Научная новизна статьи определяется тем, что совесть как составляющая художественной картины мира в прозе писателя и в хантыйской литературе вообще, ранее не анализировалась, тем более в аксиологическом аспекте.

Ключевые слова: аксиология, совесть, картина мира, герои прозы, ценность совести

Для цитирования: А. Н. Семёнов Аксиология совести в прозе Еремея Айпина // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 94–103.

Axiology of conscience in the prose of Yeremey Aypin

A. N. Semyonov

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,

Khanty-Mansiysk, Russian Federation,

alin52@list.ru

ABSTRACT

Introduction: modern Finno-Ugric literary criticism recognizes the axiological principle of a literary text as one of the relevant aspects of the study, which allows us to form a well-defined idea of the axiological content of the worldview as a separate creative personality and the artistic worldview characteristic of the literature of the people as a whole.

The subject of the research is the axiological principles of the existence of conscience as a moral consciousness of a person in the prose of the Khanty writer Yeremey Aypin; the peculiarity of the embodiment of the understanding of conscience and the attitude towards it of both the author and his characters.

Objective: to discover in the writer's literary texts the moments of existence, the embodiment of conscience as a psychological category; to analyze the different understanding of its assessment, role, significance and relevance in the life of a person, people, state, both by the author and his characters, as a manifestation of the originality of the national consciousness of the northern people.

Research materials: prose works by Ye. D. Aypin, in which the category of conscience is most expressively represented.

Results and novelty of the research: the author analyzes the presence and author's understanding of conscience and its role in the life of both the human community and an individual in the author's version, which is represented by the specific artistic texts of the Khanty writer. As a result of the conducted historical and cultural analysis with elements of structural analysis, as well as with an appeal to the method of descriptive poetics, a conclusion was made according to which the existence and understanding of conscience in the prose of Yeremey Aypin has semantic diversity, acts as a fundamentally important sign consistently reflecting the author's worldview and intentions, largely forming the content structure of works, creating ideological and symbolic code. Such a code includes the characterization of conscience as an individual and personal principle, in which it is possible to identify national peculiarities of vision, understanding of oneself in the concrete historical space of the current time, as part of the national picture of the world explicated in the text, which is based on social, spiritual, moral, aesthetic traditions and ideas.

The scientific novelty of the article is determined by the fact that conscience as a component of the artistic picture of the world in the writer's prose and in Khanty literature in general, has not been analyzed before, especially in the axiological aspect.

Key words: axiology, conscience, worldview, prose heroes, value of conscience

For citation: Semyonov A. N. Axiology of conscience in the prose of Yeremey Aypin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (1): 94–103.

Введение

Словарь В. И. Даля определяет совесть как «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души...» [5, 256].

Культурно-историческая точка зрения трактует как понятие, так и идею совести в качестве одного из механизмов самоконтроля, сформированного в процессе исторического развития. Уже античная культура, к примеру, в трудах Демокрита и Сократа научилась понимать совесть как «стыд перед самим собой», как «сознание совершенного ужаса» в художественном воплощении Еврипида (трагедия «Орест»).

Христианство понимает совесть как проявление божественного в человеке, как нравственную обязанность, заложенную в нём изначально. В свете такого учения Иммануил Кант считал, что «совесть не есть нечто приобретаемое, и не может быть долгом приобретение её; каждый человек как нравственное существо имеет её в себе изначально» [6, 335].

Соглашаться или нет с тем, насколько справедливо утверждение философа о врождённом божественном характере совести, которую нельзя приобрести, в данном случае не имеет смысла, ибо согласие или нет у каждого человека будет обосновано его индивидуальным мирозерцанием. В современной науке одним из императивов понимания сущности совести остаётся рассмотрение её в качестве дара, милости и мудрости Божьей, позволяющим человеку совершать благие дела [13].

Можно «культивировать свою совесть, – считал И. Кант, – всё больше прислушиваться к

голосу внутреннего судьи и использовать для этого все средства» [6, 336] – это пусть и «косвенный», но долг человека. И тогда под долгом можно понимать способность и готовность человека критически оценивать поступки не столько окружающих, сколько свои собственные. Долгом оказывается и способность осознавать и, как следствие, переживать своё несоответствие долгу. Проявление совести в сознании человека выражается состоянием внутреннего эмоционального дискомфорта, который на вербальном уровне может определяться как «укоры», «муки», «голос», угрызения совести, осознание того, что твоя совесть «нечиста».

Кант определял совесть как «практический разум», называя синонимами «совесть» и «сознание», «знание», выделяя тем самым познавательное, оценочное в ней, как в форме реакции на собственное поведение.

Историю становления представлений о том, что собой представляет совесть, как проходило развитие этих представлений в разные исторические эпохи, в том числе и в зависимости от мирозерцания власть предержащих, дают различные исследования. К примеру, книга Э. Роза «Случаи совести. Альтернативы, открытые для самоотводчиков и пуритан при Елизавете I и Джеймсе I [18]. Или о сущности понимания совести в Европе Нового времени [14], трактовки совести в европейской философии средних веков [17].

В определённых случаях, в первую очередь, в пределах художественного сознания совесть может трактоваться как «внутренний голос», который понимается как не зависимый от «я» человека,

а может быть, как голос его сокровенного «я» и даже как «другое я». Иными словами, совесть – это проявление способности личности к активному самосознанию, самооценке личного отношения к окружающему, в первую очередь к действующим в обществе нравственным нормам.

По Берресу Фредерику Скиннеру, именно совесть как проявление целостности организма личности вычлняет из мира лишь один фрагмент, и этот фрагмент образует его среду, обладающую видовой спецификой. Любая среда, таким образом, представляет собой один из аспектов мира, и каждый из этих аспектов отобран из всего богатства мира [19].

И это при всём том, что совесть имеет субъективную форму проявления, хотя мировая художественная и философская мысль до сегодняшнего дня не могут однозначно решить вопрос об истинных её истоках. А причина, в том числе и такова, что данное качество человеческого сознания невозможно рассматривать вне психологического аспекта, вне границ возможного эмпирического познания себя и окружающего мира. Американский психолог, разработчик теории черт личности Гордон Уиллард Олпорт в связи с такой субъективностью пришёл к такому наблюдению: возможность, что *моя совесть* ошибается, подразумевает возможность, что *совесть другого* может быть права [16].

Австрийский психотерапевт Виктор Франкл утверждал, что в нахождении и отыскании смыслов человеку помогает совесть. В книге «Подсознательный бог», посвящённой совести, учёный последовательно развивает мысль о том, что совесть – это смысловой орган, обладающий интуитивной способностью отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации [15].

В свете отмеченного, мы понимаем аксиологический подход к конкретным художественным текстам как процесс нахождения в нём ценностей как материального, так и духовного порядка, бытование которых позволяет понять смысловое ядро художественного текста, выявления в нём концептуального видения, понимания жизни, отношения к её приоритетам. Применение аксиологического подхода в литературоведении позволяет исследовать феномена ценности в представлениях конкретной творческой индивидуальности. В нашем случае – это совесть, понимаемая как ценность высшего порядка в прозе Еремея Айпина.

Материалы и методы

Материалом исследования явилась проза хантыйского писателя Е. Д. Айпина: романы «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Матерь в кровавых снегах», «В поисках Первоземли», а также повести и рассказы, опубликованные в сборниках «Клятвопреступник» и «Река-в-Январе». В центре аналитического рассмотрения – многогранность понимания аксиологии совести автором и его героями, своеобразие приёмов и способов бытования воплощения бытования совести как в пределах отдельной личности, так и в народном сознании.

Теоретической основой рассмотрения проблемы послужили положения об аксиологии в современной философии. В работе использованы историко-культурный подход к исследованию художественного текста, структурный анализ с активным использованием метода описательной поэтики.

Результаты

Основываясь на том положении, согласно которому представления человека о нравственных категориях складываются благодаря языковой картине мира и бытия [8], мы обратились к тому, как в такой языковой картине мира народа ханты присутствует представление о том, что такое совесть. Одна из наиболее репрезентативных, оригинальных авторских версий сущности совести как таковой и её аксиологические аспекты представлены в прозе Еремея Айпина. Сам писатель и его герои имеют вполне обоснованное представление о ценности совести, которая может трактоваться в качестве как позитивного, так и негативного начала в нравственной жизни человека.

Герои Айпина и сами умеют трудиться на совесть, и с уважением относятся к тем, кто поступал и поступает также. Михаил Копылов из рассказа «Клятвопреступник» не без гордости помнит, что сельский клуб – «это была когда-то небольшая, но на совесть срубленная церквушка, которую тоже поставил в начале века дед Корней Копылов» [2, 84–85]. Ценность совести в работе – это гарантия её качества, когда даже через несколько десятилетий то, что было добротой поставлено, как церквушка, по-прежнему используется, но, к сожалению, для показа кино и плясок.

В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» упоминается, что герой «увидит на совесть срубленные фактории и культбазы, снабжённые

всем необходимым для нормальной жизни человека. Увидит школы-интернаты, медпункты и больницы, оборудованные по последнему слову науки тех лет. Всё тогда делалось добротнo, по-хозяйски, на долгие годы» [2, 398]. Отрывок интересен тем, что писатель даёт расшифровку формулы «на совесть», то есть «добротнo, по-хозяйски, на долгие годы».

В рассказе «Конец рода Лагермов» также есть упоминание о работе на совесть. Маремьян Лагерм, обнаружив кем-то убитое таёжное животное, «вытащил внутренности лосихи и на совесть, по-хозяйски накрыл тушу ветками, словно собирался когда-нибудь вернуться сюда» [2, 44]. Кто убил лосиху, Маремьяну не ведомо, однако человек, живущий по неписанным законам северной жизни, знает, что тот «с лосихой, однако, погано обошёлся, даже кишки не выпустил, разве можно так?» [2, 44]. Убивший мать двоих «ушастых лосят», поступил «погано», значит, не по совести.

Совесть самого героя вынуждает его словно бы осознавать себя виноватым в том, что лосята остались без матери, не даёт ему покоя мысль о том, «выживут ли?» [2, 44]. Подобные мысли-опасения не знакомы чужим людям, появившимся в тайге: они не знают, что такое разумное отношение к окружающему миру, не знают, что значит относиться к этому миру по совести. Последним, естественно, противостоят те, кто об этом знает.

Разум, по определению писателя, может выступать в качестве синонима совести. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари», когда Седой признаётся, что он уже сделал «своё дело жизни, своё главное дело на земле» и при этом «на людей плохого в душе не держал», поэтому имеет полное право заявить: «Мой ум чистый». А писатель делает сноску: «Ум – здесь: совесть» [2, 295].

Одним из таких знающих, что такое совесть/ум, и является Маремьян Лагерм, который сначала преследует убийцу своего сына, а затем выносит его из тайги, несмотря на то, что Беспалый стрелял уже и в него. Герой хорошо понимает, что «Беспалый приносит людям только зло», а ведь «на земле и без него много зла», а значит, «никто не будет упрекать старого Маремьяна», если он «похоронит убийцу» [2, 48]. Однако герой живёт по законам совести, поэтому хорошо знает: «... Мёртвого можно закопать и жить со спокойной совестью, а этого, живого... попавшего в беду... В беду... По неписанным законам таёжным

попавшему в беду надо помочь. Давно в тайге перевелись бы все охотники, если бы не помогали друг другу, если бы не спасали попавших в беду, если бы не отдавали всё, что нужно для поддержания жизни. В тайге это свято соблюдало. Ни один настоящий таёжник не может преступить этот закон. Большой грех – дать угаснуть жизни, когда можешь предотвратить смерть. Человек иногда бывает сильнее смерти... и намного сильнее, чем думают...» [2, 48–49].

Совесть не позволяет Маремьяну оставить в тайге настоящего злодея, которому этого не понять. Поэтому он постоянно ждёт, «что охотник обязательно бросит его ночью». Беспалому так и не удалось понять, почему Маремьян «взвалил на себя такую ношу» [2, 49]. Хотя мысль о том, чтобы оставить Беспалого, посещала героя, и тогда «медвежья берлога станет ему могилой. Но медведь – этот дух тайги – никогда не простит, что Дом его стал кладбищем, а я видел и не вычистил...» [2, 49]. Так по-своему оригинально, в соответствии с выработанными веками нормами поведения человека в тайге представлена у писателя непреходящая ценность совести.

Наличие совести оказывается принципиально важным показателем достоинства, свидетельства того, что этого человека необходимо уважать. Так происходит в рассказе «Последний рейс», когда капитан Буркин поясняет, что взял с собой Костю лишь потому, что у него «совесть добрая, как у хорошо отлаженного двигателя» [2, 13]. Признание капитана примечательно тем, что даёт лаконичное, не нуждающееся в пояснениях толкование того, что значит «добрая совесть». Однако такой диалог вызывает другой вопрос: если есть добрая совесть, значит, герой знает и её антипод – совесть недобрую. Скорее всего, «недобрая совесть» – это та, которая позволяет творить зло, причинять боль и человеку, и окружающему животному и растительному миру. Может быть, это – та самая совесть, что считает допустимым надругаться над чистотой и невинностью девочки-сироты? Но тогда это, скорее, не совесть, а её полное отсутствие, или нам придётся согласиться с Карлом Марксом, который в статье «Процесс Готшалька и его товарищей» (декабрь 1848 г.) утверждал, что «совесть зависит от знаний и от всего образа жизни человека.

У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, кто не способен мыслить» [9, 140]. Значит, у того, кто совершил

гнусную подлость в отношении беззащитной сироты, была какая-то недобрая совесть. По представлениям героев, которым автор явно симпатизирует, совесть должна быть в любом деле, даже таком, к примеру, как война. Айпинский Лекарь уверен, что «без совести нельзя», а его собеседник единодушен с ним в уверенности, что существование без совести – это привилегия нелюдей. В свете такого понимания, не было у совершившего гнусное преступление в рассказе «Время дождей» совести, ибо так могут поступать именно только нелюди.

Не было совести и у тех, кто прокладывал свои пути «по лучшим землям – бесценным борам-беломошникам и чёрным урманам», кто оленей, «растеряв остатки совести, где собаками травили, где из ружей били, где вертолётами загоняли-замучили» («Ханты, или Звезда Утренней Зари») [2, 200].

Герои Еремея Айпина знают, что совесть можно потерять, и это может случиться не только с отдельным человеком, но и целой частью света, как политико-экономическим образованием. В рассказе «Парижанка» герой передаёт восприятие современной обстановки в мире человеком, которого именует Папой. По мнению последнего, Америка сходит с ума, а старушка Европа совсем одряхла и потеряла совесть и разум» [3, 186].

С упоминанием в данном эпизоде потерянной европейской совести связана по-настоящему сыновняя мысль писателя о совести его родины. В продолжении беседы собеседница интересуется: «Кто же тогда при уме и совести?» и получает ответ: «Россия, конечно...

Она чуть помедлила, а потом сказала:

– Я согласна с ним.

– С ним трудно не согласиться». [3, 186]

Однако герои Еремея Айпина помнят и то время, когда с совестью в России дела обстояли более чем трагично. В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» герои, в первую очередь, Белый ещё живут воспоминаниями о том, как не стало «великой Российской державы», как погибла страна, богатая «и людьми, и землями, и недрами». Настали времена, когда при установлении какой бы то ни было власти нет необходимости, «не нужно оглядываться на совестливый русский народ – уничтожена его совесть...» [4, IV, 129].

Выходит, что одной из главных ценностей того, что можно определить как *народная*, то

есть *коллективная совесть*, является её роль в сохранении державы, утверждении её могущества. Уничтожение совести народа – это не просто лишение его совестливости, это – обезглавливание и обезличивание его, это – открытие целой эпохи, когда «не стыдно творить зло на земном шаре» [4, IV, 129], когда можно не жить, а существовать «без царя, без Родины, без дома и семьи» [4, IV, 129].

Именно совесть привела Белого к убеждению в том, что в гибели членов царской семьи и его «вина есть в том, что они преждевременно погибли мученической смертью», в том, что он «во-время не приехал, не сумел их спасти, не сумел поднять людей, кто бы помог им выжить и возвратиться в Европу. Так легло на нас страшное клеймо народа-цареубийцы...» [4, IV, 129–130].

К мысли об уничтожении совести народа писатель возвращается в романе и тогда, когда рассказывает о том, как размышлял Прокопий Спиридонов, обвинённый в пособничестве восставшим и за то приговорённый к смертной казни. Он, красный командир, понимал, что изменилась ситуация, изменилась уже в «Гражданскую войну, когда приходилось особенно трудно, обстоятельства заставляли всячески выворачиваться, и понятия “честь” и “совесть” притупились, исчезли, растворились в крови и грязи междоусобной бойни по всей огромной России» [4, IV, 227].

Исследователь Н. К. Панько замечает, что среди учёных есть те, которые «предпринимают попытки обозначить совесть как научную категорию», и это вызывает её возражение. Она высказывает своё согласие с теми, кто считает, что «совесть как онтологическое понятие и как духовное явление имеет свои историко-социальные истоки, существует и проявляется по собственному специфическому закону. Истоками совести изначально являются знания, присущие каждому народу». И самое главное: «... Как морально-ценностное явление совесть... становится внутренним регулятором, мировоззрением; совесть есть социальное явление общества, индивиду даётся через самопознание и познание системы табу. Совесть есть внутреннее отражение социальной организованности общества, внутренний порядок личности» [10, 287]. Последнее замечание является научным обоснованием художественной мысли писателя Айпина о том, что у народа ханты было сформировано своё представление о совести, как социальном явлении, на основе сво-

их знаний о себе и мире, благодаря своим историко-социальным истокам.

И одна из трагедий народной жизни заключается в том, что в результате, притупления и даже исчезновения совести, как и чести, станет привычным клятвоотступничество и все любые преступления, связанные с отсутствием осознания необходимости выполнять свой долг, к примеру, держать слово. Время притупившейся и даже исчезнувшей совести выразительно описано в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари»: оно представлено как «бессмысленное и чёрное», и олицетворением его был Кровавый, который «мог всё», который «незримо присутствовал всюду», который «всё видел и слышал» и даже «знал, о чём думал каждый человек». А причина в том, Кровавый Глаз «не мучила совесть – вершил своё дело легко и бездумно» [4, II, 69].

Среди героев прозы Еремея Айпина есть такие, которые опасаются, и не без оснований, того, что совесть может быть утеряна человечеством как таковым. Тем более, что «подобное на Земле уже было», по мнению главного героя романа «В поисках Первоземли» Матвея. Правда, в значительно меньших масштабах, однако судьба Содомы и Гоморры и до сегодняшних времён служит тому и напоминанием, и предупреждением. О том, что такое может повториться, но уже в планетарном, общечеловеческом масштабе Матвей узнал от Отца Небесного, когда попытался выяснить, насколько справедливы слухи о том, что его «самозванный “братец” Сатана снова взберётся на облако и вместо тебя начнёт править миром. Правда да ли это? Наступит ли такое время? Придёт ли такая эпоха?» [1, 286].

Небесный Отец признался, что он предчувствует приход такого времени, предчувствует приход «неугомонного самозванца», и тогда: «Честь заменит на бесчестье. Совесть и мораль смахнёт из памяти людской. Мужья забудут о жёнах, жёны – о детях...» [1, 286]. Небесный Отец рисует абсолютно безрадостную картину того, что будет происходить на Земле в результате утраты совести, какими бесчинствами и бесчестьем наполнится жизнь людей. Однако, даже при том, что Небесный Отец будет в это время в полёте, возможность жить без него останется. Он словно бы завещает Матвею и всем его единомышленникам: «А живи по своему разуму. Как сердце подскажет, как душа подскажет. Как совесть скажет. Как честь потребует» [1, 287].

Совесть оказывается своеобразной гарантией сохранения человеческого облика и праведной жизни в условиях, когда такая жизнь уже, казалось бы, невозможна, она способна обезопасить человека от падения до скотского и сатанинского существования.

Те из героев прозы Еремея Айпина, кто осознаёт, насколько необходима, важна совесть, выступают в роли её хранителей. Они понимают, что для человека, о чём свидетельствуют, к примеру, размышления Ивана Андреевича из рассказа «В полёте в бездну», принципиально важно, если «вроде никаких смертных грехов не имел. Всё и всегда старался делать по совести, не вредил людям». «Делать по совести», как считает герой, это значит обезопасить себя и своих близких от несчастий, однако даже такая «совестливая» жизнь не может защитить от тех, кого он определил «как чёрную колониальную силу», которая словно бы специально пришла, чтобы испохабить его родную землю» [3, 59].

Иван Андреевич, размышляет о том, что, как ему кажется, он всё делал по совести, и, тем не менее, предполагает, что «остяцкие боги могут призвать к ответу за истерзанные земли и осквернённые святые места». Хотя прямой вины его в этом нет, как нет её и в том, что сгорела церковь тоже: постарался непутёвый Сашка, который уверял, что «поручил церковь из лучших побуждений» [3, 60]. К тому же никому в современности эти оправдания и не нужны. Остаётся главное, хотя и не без сомнений, что они нужны «разве только для успокоения собственной совести» [3, 61]. И с годами именно собственная совесть привела Ивана Андреевича к осознанию своей вины, в том числе и за порушенную церковь.

Какая-то исконная вера в справедливое, праведное поведение заставляет героев Еремея Айпина обращаться к мысли о необходимости совестливого поведения даже в тех ситуациях, когда такое обращение бессмысленно по определению, к примеру, если речь идёт о ведении войны. В «Русском Лекаре» рассказчик растолковывает окружающим, что надеявшиеся «стать хозяевами на своей земле», надеявшиеся «на свободу, чтобы самим решать, как жить в своём доме», воевали хорошо, а «дело плохо кончилось», потому что «красные воевали несправедливо» [2, 134]. В его понимании, «несправедливо», это, значит, «не по совести»: «<...> Мы на красных – с ружьём, они на нас – с пушкой или пулемётом.

Мы – на оленьей упряжке, они – на самолёте. Да ещё сверху бросают огненные камни.

<...> – Или вот ещё: где наших десятки – там красных сотни. А где наших сотни – там красных тысячи» [2, 134]. Слушатель попытался оправдать такую несправедливость тем, что это же война, и в результате диалог получил такое продолжение:

«– Но совесть-то надо иметь или нет?

– Да, без совести нельзя, – признался мой Лекарь.

– Вот-вот: без совести может только нелюдь обходиться!» [2, 134].

Совесть, в мировоззрении исконного таёжного жителя, оказывается, необходима даже во время ведения войны, даже в таком жестоком противоборстве. В его понимании, только нелюдь обходится без совести, тем более, что даже животным в его мире она ведома. В том же рассказе «Русский Лекарь» герои изучают следы медведя, который может принести много бед пастуху оленьей, а «предсказать все проделки чернолицего невозможно». Выяснение того, что «чернолицый», за которым напарники идут по следу, «не нагрешил», завершается таким диалогом между ними:

«– Стало быть, его совесть чиста?

– Чиста.

– Тогда пусть живёт! – улыбнулся мой спутник» [2, 136].

В. И. Карасик и Э. А. Китанина в статье «Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре» подчёркивают, что «слово *чистый* в выражении *чистая совесть* допускает противопоставление только с прилагательным *нечистый* (словосочетание *грязная совесть* не отмечено, хотя есть *греховная совесть*): Да, жалок тот, в ком совесть нечиста (А. С. Пушкин)...» [7, 70].

Если наличие «чистой совести», как *отсутствие греха* подразумевается человеком даже у животного, то, как не прийти этому человеку в отчаяние, когда он наблюдает за тем, как идут во власть, стремятся управлять им и всем в родном Отечестве те, у кого совести-то, чтобы думать об общем благе, уже нет.

Герой романа «В поисках Первоземли» Николай Савватейч с горечью размышляет о том, как случилось в его стране «отлучение народа от власти», как «начали избирать в Госдуму и во власть вообще только по партийным спискам. Это я должен голосовать за список, который я не писал, который составлялся без меня, то есть

без избирателя. Выходит, я выбираю вслепую, втёмную. А в списке вслед за первым стоят не те, у кого есть совесть и душа болит за народ и Отечество, а те, кто больше заплатил за проходное место, у кого ни совести, ни души, а только шкурные интересы. Вот так нас и дурачат. И ещё долго будут дурачить, пока народ не возьмётся за вилы...» [1, 334–335].

Мнение героя о том, как болит душа за народ и за Отечество у тех, у кого есть совесть, в полной мере соответствует сложившемуся в представлениях о художественной культуре мнению, согласно которому «совесть – это некоторое знание, мотивирующее социальную оценку и действия определённой национальной или религиозной общности людей» [12, 135].

Совестливые люди, населяющие прозу Еремея Айпина, не могут жить только собственными, преимущественно материальными интересами. Герой рассказа «В полёте в бездну» Ваньша вспоминает, как хорошо жилось его семье, когда удавалось добыть много глухаря, и «в дом приходил праздник», когда жили «сытно месяца два-три, до самых снегов»: «Но впрок мама никогда глухарятину не заготавливала. Для голодной и холодной зимы. Почему? Ваньша не знал. Только спустя много лет он поймёт, что мать была слишком совестлива и добра, чтобы откладывать лишний кусок на завтрашний день, когда соседи живут впроголодь. Утощала, делилась с теми, кто не мог промышлять слопцами» [3, 42–43].

У Еремея Айпина есть своё представление о сущности совести как таковой и её ценности в жизни человека, в которой она может выполнять как положительную, так и отрицательную роль. Одним из самых значимых и уважаемых качеств человека в прозе писателя почитается умение работать на совесть, то есть добротной, надёжно, так, чтобы быть и полезным, и радовать глаз. При этом и умение ценить результаты чужого труда ставится его героями высоко. Таким образом, один из ценностных аспектов совести понимается в качестве гарантии качества того, что делает человек и для себя, и для других.

По совести, как считают герои, которых писатель понимает в качестве близких ему по миросозерцанию, необходимо относиться и к тому, что окружает человека – к растительному и животному миру, даже к тому, что может быть в этом мире повержено его собственной рукой. Поэтому в мире таёжного северного человека самыми опасными почитаются чужие,

они – самые страшные, потому, что не ведают, что такое отношение к окружающему миру по совести. В этом плане совесть у Еремея Айпина становится синонимом разума: поступать по совести – это значит относиться разумно, к тому, что дала тебе природа, брать от неё в пределах только того, что необходимо. Тем более, по совести необходимо относиться к человеку, к примеру, не дать «угаснуть жизни», даже если это жизнь злодея, твоего кровного врага.

Наличие или отсутствие совести является главным показателем достоинства человека, определяющим составным элементом его характеристики, поэтому столь важны, существенны для прозы Еремея Айпина качественные характеристики совести человека, данные в восприятии, в оценке второго лица. От одного произведения к другому писатель формирует такое представление, что бывает совесть добрая и та, которую можно назвать её антиподом, – недобрая. Однако «недобрая совесть» – это, скорее, образное определение Айпиным отсутствия совести как таковой, у злодеев и тех, кто не понимает, на какую землю он пришёл и какие преступления он на ней, против неё творит. Такую совесть можно назвать *совестью нелюдей*. Если судить по прозе Е. Д. Айпина, то нелюди – это те, у которых совесть, видимо, всё-таки есть, но она их не грызёт и мучит, совесть, просто не беспокоит, если они совершают что-то подлое или преступное, им неведомы терзания совести.

Обсуждение и заключение

Н. А. Редько на основе анализа значительного количества исследований, посвящённых понятию совести в русской национальной картине мира, приходит к выводу, что нет возможности «сделать однозначных выводов о концепте ‘совесть’ в русском языке. Для одного лингвиста чистая совесть связана с родниковой водой, а для другого – с органом человека. Кто-то считает, что

совесть грызет как мышь, а кто-то сравнивает её с червём...» [11, 62]. Писателю Еремею Айпину, посредством картины мира, представляемой русским языком, удалось раскрыть сущность понимания народом ханты совести как доминанты его мировидения, отметить наиболее характерные особенности понимания народом этой доминанты.

Писатель и его герои хорошо знают, что значит потерять совесть, в том числе и свою. Такая потеря может случиться как с отдельным человеком, так и с целым государственным образованием и даже географической частью света, когда такие понятия, как *страна* или *Европа* начинают пониматься как нравственные образования, обладающие качествами, присущими человеку. И тогда трагедия становится сопоставимой по масштабу с тем, что представляют собой такое государство или часть света. Поэтому так значима совесть, которую можно определить, как народную, как коллективную. Наличие такой совести есть гарантия величия, устойчивости и поступательного развития, а отсутствие приравнено в прозе Еремея Айпина к обезглавливанию, обезличиванию страны или части света, а также их народов.

В представлениях таёжного человека, особая роль в сохранении совести принадлежит небесным покровителям и тем, кто олицетворяет собой сатанинские, дьявольские силы. Поэтому человек обязан прислушиваться не к тем, кто влечёт его внешним благополучием, прежде всего, во имя себя, а к тому, что твоя «совесть скажет», к тому, как «честь потребует». И ценность совести значительно возрастает, если человек понимает, что она является главной гарантией сохранения человеком человеческого облика. Поэтому так важны, так тепло выписаны у Еремея Айпина герои совестливые, готовые бережно относиться к родной земле и защищать её в случае необходимости, умеющие заботиться не только о себе и своих близких.

Список источников и литературы

1. Айпин Е. В поисках Первоземли. М.: РИПО классик, 2019. 412 с.
2. Айпин Е. Д. Клятвopеступник. Избранное: Роман и рассказы / послесл. и комментарии В. Огрызко. М.: Руслó, 1993. 423 с.
3. Айпин Е. Река-в-Январе. Сборник рассказов; Вступ. ст. А.-В. Шаррен. СПб.: Миралл, 2007. 208 с.
4. Айпин Е. Собрание сочинений: в 4 т. Санкт-Петербург: Амфора, 2014; Т. 2. 383 с.; Т. 4. 287 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 683 с.
6. Кант И. Метафизика нравов / Кант И. Сочинения: В 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 335–336.
7. Карасик В. И., Китанина Э. А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 67–82.

8. Карасик В. И. Языковые картины бытия: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 6. 762 с.
10. Панько Н. К. Категория совести в российском уголовном судопроизводстве и её соотношение с проблемой установления истины по уголовному делу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 282–291.
11. Редько Н. А. Совесть как ключевая доминанта русской национальной картины мира // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 60–65.
12. Школьникова О. Ю. Этико-философские понятия «стыд», «совесть» и «сознание» и особенности их лексической репрезентации в русском и итальянском языках (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его итальянского перевода) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 10 (826). С. 131–142.
13. Baylor M. G. *Action and Person. Conscience in Late Scholasticism and the Young Luther*. Leiden: Brill, 1977. 288 p.
14. *Conscience and Casuistry in Early Modern Europe*. Ed. by E. Leites. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 280 p.
15. Frankl V. E. *Der unbewufite Gott: Psychotherapie und Religion*. Munchen: Kosel, 1988. 156 p.
16. Gordon W. Allport. *Psychological Models for Guidance* // *Harvard Educational Review*. 1962. № 32. 373–382 p.
17. Potts T. C. *Conscience in Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 168 p.
18. Rose E. *Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 266 p.
19. Srinner B. F. *Beyond Freedom and Dignity*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002. 240 p.

References

1. Aypin Ye. *V poiskah Pervozemli* [In Search of the First Earth]. Moscow: RIPO klassik Publ., 2019. 412 p. (In Russian)
2. Aypin Ye. D. *Klyatvoprestupnik. Izbrannoe: Roman i rasskazy* [The Oathbreaker. Selected works: Novel and stories]. Comm. by V. Ogryzko. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 423 p. (In Russian)
3. Aypin Ye. *Reka-v-Yanvare. Sbornik rasskazov* [River-in-January. Collection of stories]. Pref. by A.-V. Sharren. Saint-Petersburg: MIRALL Publ., 2007. 208 p. (In Russian)
4. Aypin Ye. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2014; Vol. 2. 383 p.; Vol. 4. 287 p. (In Russian)
5. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1980. Vol. 4. 683 p. (In Russian)
6. Kant I. *Metafizika npravov. Sochineniya: v 6 t.* [Metaphysics of morals. Works: In 6 vol.]. Moscow: Mysl' Publ., 1965. Vol. 4. Ch. 2. pp. 335–336. (In Russian)
7. Karasik V. I., Kitanina E. A. *Osmyslenie sovesti i soznaniya v russkoj lingvokul'ture* [Understanding of conscience and consciousness in Russian linguoculture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 2019, no. 18 (2), pp. 67–82. (In Russian)
8. Karasik V. I. *Yazykovye kartiny bytiya: monografiya* [Linguistic pictures of being: a monograph]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina Publ., 2020. 468 p. (In Russian)
9. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1957. Vol. 6. 762 p. (In Russian)
10. Panko N. K. *Kategoriya sovesti v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve i eyo sootnoshenie s problemoj ustanovleniya istiny po ugovolnomu delu* [The category of conscience in Russian criminal proceedings and its correlation with the problem of establishing the truth in a criminal case]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law], 2019, no. 3 (38), pp. 282–291. (In Russian)
11. Redko N. A. *Sovest' kak klyuchevaya dominanta russkoj nacional'noj kartiny mira* [Conscience as a key dominant of the Russian national picture of the world]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2019, no. 2, pp. 60–65. (In Russian)
12. Shkolnikova O. Yu. *Etiko-filosofskie ponyatiya "styd", "sovest'" i "soznanie" i osobennosti ih leksicheskoy reprezentacii v russkom i ital'yanskom yazykah (na materiale romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» i ego ital'yanskogo perevoda)* [Ethical and philosophical concepts “shame”, “conscience” and “consciousness” and the peculiarities of their lexical representation in the Russian and Italian languages (on the material of the novel F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment” and its Italian translation)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik MSLU. Humanitarian sciences], 2019, no. 10 (826), pp. 131–142. (In Russian)
13. Baylor M. G. *Action and Person. Conscience in Late Scholasticism and the Young Luther*. Leiden: Brill, 1977. 288 p. (In English)
14. *Conscience and Casuistry in Early Modern Europe*. Ed. by E. Leites. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 280 p. (In English)
15. Frankl V. E. *Der unbewufite Gott: Psychotherapie und Religion*. München: Kosel, 1988. 156 p. (In German)
16. Gordon W. Allport. *Psychological Models for Guidance*. *Harvard Educational Review*, 1962, no. 32, pp. 373. (In English)

17. Potts T. C. *Conscience in Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 168 p. (In English)
18. Rose E. *Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I*. E. Rose. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 266 p. (In English)
19. Srinner B. F. *Beyond Freedom and Dignity*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002. 240 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семёнов Александр Николаевич, ведущий научный сотрудник отдела обско-угорских литератур Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (628011 г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д 14), доктор педагогических наук, профессор.

alin52@list.ru

ORCID ID: 0000-0001-8247-8099

ABOUT THE AUTHOR

Semyonov Alexandr Nikolaevich, Leading Researcher, Department of Ob-Ugric Literatures, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

alin52@list.ru

ORCID ID: 0000-0001-8247-8099